

Они стояли, как рыцари-ландскнехты, охраняя своего сюзерена, прядильно-ткацкую фабрику, на которой трудилось большинство населения нашей городской окраины. Прочно и непреступные стояли угрюмые, сложенные из красного кирпича, казармы, оплот советской власти, казавшейся пришедшей на века. Они были немолоды, эти четырехэтажные здания. Их построил местный фабрикант П.Ф. Севрюгов в 1897 году для своих рабочих, которые ютились по подвалам, чердакам приволжских слободок, а жители заволжских деревень на работу добирались на лодках.

Казармы всем своим видом показывали: Кто обидит советскую власть, будет иметь дело с нами. Жил там пролетариат, работавший на ткацких фабриках, который ещё в 1905 году показал, что он может. А мог он многое. Ткачи Иваново-Вознесенска не только установили власть советов народных депутатов в своём крае, они ещё во главе с М.В. Фрунзе съездили в Москву и на баррикадах Красной Пресни помогли москвичам разобраться с угнетателями трудового народа. Эффективно помогли, что и говорить. Заставили буржуа пойти на переговоры с рабочим классом. История донесла слова иваново-вознесенского фабриканта А.И. Коновалова

при выступлении на Государственной Думе: «Давайте делиться, не то всё отберут». Гос. Дума не восприняла советы просвещённого политика, изучавшего теорию патернализма в Германии и получила... да, семнадцатый год. Так что П.Ф. Севрюгов оказал неоценимую услугу нарождающейся революции, поселив пролетариат своей фабрики в один казарменный блок. Другого люда там не было. Только рабочий класс со своими семьями. Вокруг казарм не росло ничего: ни травинки, ни кустика. Не было даже сараев: пролетариат скотину не держал, хранить ему было нечего. Всё своё ношу с собой. Если что и потеряет, то только свои цепи.

Казармы всегда были символом текстильного края. В них родилось и выросло не одно поколение текстильщиков. Огромные, трёх — пятиэтажные. Длинный, через весь корпус, коридор, общий туалет в одном конце, и огромная кухня со множеством плит — в другом. Рабочие жили семьями в отдельных каморках. С приходом Советской власти в казармах ничего не изменилось. Рабочие продолжали жить, как жили при капитализме. Фабрики, как ни старались наращивать строительство благоустроенного жилья, не смогли расселить этот мрачное наследие капитализма, как бы написали политэкономы.

«Но наступили дни перемен» — так пелось в незамысловатой песенке. Наш, некогда советский народ, с присущей ему бесшабашностью ухнул в дикий капитализм, искренно веря «эффективным менеджерам» с хитрым прищуром глаз, что рыночная экономика принесёт ему (народу) богатства, в первую очередь, — докторскую колбасу и китайские шмотки. Сухой остаток реформ правительства первого «всенародно» избранного президента впечатляющ: ваучеры пропиты, фабрики обанкрочены и за бесценок проданы «назначенным» миллионерам.

Рванулся наш бесшабашный народ в рыночную экономику в надежде поймать жар-птицу или хотя бы ухватить перо от хвоста. Только вся рыночная экономика сосредоточилась в поездах и на перронах Северной железной дороги, где потомки ивановско-вознесенских ткачей пытались хоть что-то продать из продукции, ещё выпускаемой фабриками, но не находящей сбыта. Правда, колбаса появилась на прилавках, шмотки тоже можно купить, а вот зарплаты, достойной человеческого бытия, — нет. Мало этого, внуки и правнуки ивановских ткачей остались в своих каморках, доставшихся им в наследство от своих дедов и прадедов, которые не получили благ от капиталистов, да и советская власть не смогла дать каждой семье по благоустроенной квартире.

Сейчас, принято идеализировать всё, что было связано с до-революционным прошлым России. Что здесь скажешь? Борзописцы всегда были на службе у власти имущей. Нынешняя — не исключение. Задача СМИ в том и состоит, чтобы показать, что современный рабочий класс должен радоваться свершившемуся в 90-х годах перевороту, что возродилась частная собственность — основа всех «ценностей» капитализма. Дошли до того, что казармы выставляют как благоустроенное жильё, что являлось высшим проявлением заботы отцов-капиталистов о пролетариате. В конце XVIII века, да. «Семейные рабочие размещались в казармах, где каждая семья располагалась в отдельной комнате, каморке в простонародье. При казармах имелись кухни с печами. Казармы были оснащены электрическим освещением, центральным отоплением и вентиляцией», — пишет один из современных историографов. Были при казармах свои фабричные лавки, где рабочие могли отовариться в кредит. Просто благодать райская. Может, лучше почитать это: «Корреспондент газеты “Неделя”, с трудом получивший разрешение фабричной администрации осмотреть фабрики и казармы Никольской мануфактуры летом 1886 года, так описал рабочих и их детей: “Всё это народ тощий, с включенными волосами, с беспокойным взглядом, с трудом напрягающим силы и внимание на работе... Дети просто жалки — маленькие, хрупенькие, с бессильными голосками и задумчивыми играми”».

Не удержусь, добавлю: Александр Иванович Коновалов — признанный социалист — использовал на производстве труд детей. Такая практика была распространена и на предприятиях других промышленников. А.И. Коновалов организовал для используемых на своей фабрике детей начальное училище. Дети по 8 часов работали на фабрике и по 3 часа находились в школе. В программу входило обучение русскому и славянскому языкам, письму и арифметике. Но это — дети. Возраст большинства учащихся составлял от 12 до 15 лет. Вспоминаю свою бабушку, Баскакову Татьяну Петровну, которая бегала прядильщицей на фабрике у Севрюгова, и была неграмотной. Только в 1918 году она научилась расписываться на курсах ликбеза, которые были организованы на даче бывшего фабриканта П.Ф. Севрюгова «Отрада», преобразованной в клуб, а позже даже осиливала журнал «Работница».

Но фабричная проходная выводила наиболее способных рабочих «в люди». Это стоит признать. Мой дед, Егор Тихонович Баскаков был «приютский», как говорила бабушка. Затем его отдали в ученики на прядильно-ткацкую фабрику Севрюгова,

где он вырос ... до мастера. Как, каким образом он смог достичь такой высоты, мне неизвестно. Думаю, что он как раз закончил такое фабричное начальное училище. Его хоть и причислили в семнадцатом году к классу эксплуататоров, но уже в восемнадцатом пригласили на его же фабрику заместителем директора. Ушёл из жизни он по болезни, оставив о себе память, дошедшую до моего поколения. С них, моих дедушки и бабушки по материнской линии, и началась наша текстильная династия. Оборвалась она совсем недавно. Их правнукам работать стало негде. Благодаря реформаторам, птенцам «гнезда ельцинского», в одночасье было обрушено текстильное производство края.

Нечасто, но я приезжаю на свою малую родину. И первым делом иду поклониться фабрике, которая зияет разбитыми окнами. Мимо тенями проходят люди, потомки славного текстильного пролетариата. В глазах — тоска, в опущенных плечах — безнадежье. С грустью смотрел я на своих земляков. Многие пережили войну, как мои дядюшки и тётушки. Некоторые в силу молодости, как мой дядя Михаил, не хватило фронтового лиха, но работали на ткацко-прядильном производстве как минимум по 12 часов в день. История донесла рассказ о его приёме на работу в июне 1941 года. Кадровик посмотрел на тощего двенадцатилетнего паренька и сказал: хорошо, что хоть высокий мальчишка, без приставного ящика обойдётся и...добавил два года возраста.

Всё у них было, у моих земляков. Послевоенное голодное существование и радость восстановления народного хозяйства, и возможность наесться хлеба. Сейчас у них отнято всё. И, главное, мечта. Мечта о счастливом будущем. Мою маму, восемнадцатилетней девчонкой в 1943 году призвали на фронт. Перед призывом, без отрыва от прядильного станка, она закончила курсы связисток. Демобилизовалась в августе 1945 года с одной мечтой: «Такую войну выдержали. Теперь заживём».

Кошунственно говорю, но мы, некогда советские люди, как мальчиши-плохиши продались за банку варенья и пачку печенья. Нашу жизнь перестройка разрешила как автогеном на — до и после. Своими глазами видел губернаторские балы, на которых нувориши, ухватившие бога за бороду, кичились захваченной властью. «Вот она власть-то, любушка!». Прямо как по Шолохову.

Мои родители ещё до войны познакомились с прядильно ткацким производством. Кто додумался и назвал текстильную промышленность «лёгкой»? Уверяю вас, она вовсе не лёгкая. Затем фронт, воевали оба. После войны отец по правительственному призыву

пошёл мастером производственного обучения школы ФЗО, которая готовила резерв текстильного рабочего класса. В скором времени Баскакова Нина, бывшая фронтовичка, по комсомольскому призыву была направлена в эту же школу. Так сформировалась семья — второе поколение рабочей династии. Их много формировалось, фабричных семей, и все, как правило, получали каморку в казарме. Рады были и этому — время послевоенное.

Я листаю трудовые книжки родителей. У обоих только одна запись: «Принят на прядильно-ткацкую фабрику. Уволен — в связи со смертью. Перерыв в трудовом стаже — война. Даже на пенсии не побывали мои родители, так они рано ушли из жизни. И что я думаю. Может и хорошо, что они ушли из жизни в то время, когда ещё не было предпосылок перестройки. Они бы этого разгула «демократии» просто не пережили. Жутковато думаю, правда? Зато честно.

Как не вспомнить своего дядюшку Петра Георгиевича, потомственного текстильщика. Довоенное детство, работа на фабрике, призыв в Красную Армию. Три года службы добросовестно тянул сержант Баскаков. Пора бы и домой, а там — финская. Слава богу, остался жив. Снова домой засобирался. Но не тут-то было — Отечественная война. Отслужил Петр Георгиевич ни много ни мало — порядка девяти лет. И снова — родная проходная. Он дожил до лихих, как их теперь называют, девяностых. Слышали бы вы его, как он меня костерил, когда узнал, что я член партии: «Ты именно — член, а не коммунист». Это самое печатное, что произносил дядюшка. Он имел на это полное право. В ВКП(б) сержант Баскаков вступил в первые дни войны. «Как же вы, ... члены... могли допустить, чтобы развалили страну. Правильно вас Ельцин соскрёб с дороги совковой лопатой как...». Продолжать? Думаю, не нужно. Иногда приходят мысли: а если бы мои, прошедшие войну, хватившие фронта, родные, знакомые и соседи были моложе, допустили бы они такую вакханалию, которую устроил Горбачёв, а за ним и Ельцин? Не позволили бы вчерашние фронтовики экспериментов над собой, а уж заменить социализм капитализмом... В дурном сне не приснилось бы. Я их и сейчас вижу, сидящих на лавочке перед домом в выходных пиджаках с орденами и медалями, надетыми по случаю празднования Дня Победы. От них веяло силой и уверенностью. Это ещё был рабочий класс. Это были потомки иваново-вознесенских ткачей.

Я, хоть и представитель текстильной династии, но не житель казармы. Родители предпочли каморке в казарме, комнату в одном

из послевоенных рабочих посёлков, которые стали расти вокруг фабрики. Заселённые пришлым на фабрики деревенским людом после войны, наши деревянные дома (не люблю слово барак) без намёка на удобства вызывали раздражение «потомственных пролетариев», какими были жители казарм.

«Деревня! Понаехали!» — цедили они через губу. Вчерашние колхозники, вырвавшиеся из крепостной зависимости колхозов, не спешили расставаться со своим образом жизни и занимались скотиной, огородами. Да и магазины не баловали разносолами. Посёлки представляли лакомые кусочки для жителей казармы. Поселковые поля и огороды подвергались набегам казарменных парней, а под осень, когда подрастала скотина, то на промысел выходил народ посерьёзней. Взломы хлевов и воровство скотины попахивало уголовщиной, но с казармы, как в своё время с Дона, выдачи не было. Мы не любили казарму, хотя у многих, как наша семья, имелись там родственники. Мы захаживали к ним на посиделки, благо, что казармы стояли рядом с фабрикой, возле которой проводились митинги по случаю революционных праздников.

«Каждый праздник в казарме был коллективным, со множеством вольных или невольных зрителей. С годами ушли, стёрлись из памяти неприятные стороны и моменты, остались светлые, чистые чувства коллективизма, взаимопонимания и поддержки, что ценно и в наши времена, но что встречается всё реже и реже». — Блажит собиратель казарменных сказок «жёлтой газеты».

Я хотел бы поговорить с таким собирателем или сочинителем подобных былин. Если честно, то пускать розовые сопли умиления по ушедшим временам, я бы не стал. Угарные пьянки с драками, битьём женщин своими мужьями, перепуганные дети. Рвались рубахи, слышался мат... Одурманенные низкопробной самогонкой, которая гналась тут же на кухне, казарменные мужики быстро теряли душевность коллективного питания. Сначала начинались местные разборки, но душа пролетария нуждалась в размахе. «Веселье» выплескивалось на улицу. «Казарма гуляет», — говорили местные жители и обходили подальше красно — кирпичного монстра.

Я помню озверелые стычки «стенка на стенку» казарменных и поселковых. Тогда держись кинешемская сторона. Десятки пьяных с той и другой стороны сходились на пустыре, и начиналась пьяная драка, ничем не напоминающая ярмарочные кулачные бои или деревенские — «на кулачках» до первой крови. Нет. Били жестоко, бессмысленно. Ладно бы дело заканчивалось кольями с ближайших изгородей. Что вы! Анахронизм! А велосипедные

цепи не хотите? Или свинцовые кастеты. Вскоре воздух оглашался сиренами машин «Скорой помощи» и воплями «чёрных воронок» (милицейские машины в то время были тёмно-синего цвета).

Заканчивалось по-разному: иной раз толпа разбежалась в разные стороны, прячась в огородах, за поленницами, причём зрители сердобольно прятали уцелевших бойцов в сараях и хлевах со скотиной. Милиционеры, поймав несколько человек для разборки, уезжали. Легкораненых перевязывали здесь же на поле боя и отпускали. Бывало и по-другому: озверевшие противники неожиданно объединялись и шли с обрезам труб и цепями на милиционеров. Те жались к машинам. Хорошо, если успеют уехать, а бывало, что могли перевернуть и машину. Тогда воздух оглашался сиренами пожарных машин, которые окружали побоище и пускали в ход брандспойты. Мощными струями они сбивали озверевших людей, валили их на землю, а милиция собирала «урожай». Холодная вода под давлением быстро превращала разгоряченных бойцов в мокрых куриц, и драка шла на убыль. Постепенно всё затихало... до следующего раза. Казарма жила своей отдельной жизнью, никого не признавала. Казарменных боялись. Спуска они не давали никому. Да и милиция старалась не заходить туда.

Бытие казармы не изменилось и в моё — послевоенное время. Всё те же длинные коридоры с комнатами — каморками по бокам. В одном конце — туалеты, в другом — чудовищных размеров кухня. Я застал ещё печное отопление и исчадие ада — керогазы. И кругом народ. Все свои и наши. «Жизнь в казарме накладывала печать на все стороны быта рабочих — на характер взаимоотношений родственников и знакомых, а также различных половозрастных групп, на формы проведения досуга, на семейный быт и воспитание детей, организацию питания и пр. Здесь все поступки человека определялись сложившимися традициями, эффективной системой неформального контроля со стороны “мира”. В условиях казарменной жизни возникал и своеобразный общественный быт», — пишет исследователь казарменного быта. В этом случае я с ним соглашусь. Жизнь на виду у всех, полное отсутствие домашнего уюта, постоянное подавление любого проявления индивидуальности. Да и не могло быть никакой индивидуальности с общим туалетом, огромной кухней на этаж. Даже в каморке, вроде как в своей комнате, ты не был одиноким. Семьи в казармах были большими.

Заинтересованная в строительстве деревянных бараков для расселения прибывающей рабочей силы администрация фабрики

не заботилась о — мы бы сказали — соцкультбыте. Детских яслей — садов было мало. Пока ребёнок стоял в очереди на место в яслях, он вырастал и шёл в школу. Мы, послевоенное поколение, росло, не охваченное детсадовским сообществом. Нас сбивали в кучи к бабушкам и дедушкам. А где жили они, потомственный пролетариат, к тому времени выходящий на пенсию? Правильно, в казарме. Не было исключением и я. Казарма напоминала детский сад, так там было много детей. Что может быть привольнее для пацанов, как огромные, длинные коридоры, по которым можно бегать или покататься на велосипеде. Дети бегали по всем этажам, благо, переходы с одного этажа на другой были в концах коридоров. А посидеть на кухне! Когда топится с десятков печей, выбрасывающих пламя из-под чугунных дверок. На кухне всегда было много народа: женщин, готовящих незамысловатые обеды для семьи, мужчин, которым было тошно сидеть в каморке, старые люди, сидящие возле печек, а то и лежащие на допотопных лежанках. Это была огромная семья, названием которой было «казарма». Вот и попробуйте обидеть кого-то из членов семьи.

Так приблизительно выглядели рабочие казармы в пятидесятых, в начале шестидесятых годов. Постепенно пролетарский бунтарский дух выветривался по мере расселения в благоустроенные квартиры. Но сплочённость людей оставалась. Рабочие, получившие ордер на благоустроенные квартиры, просили в профкомах, чтобы их поселили не только в одном доме, но чтобы квартиры были рядом. «Потехины», «Копины», «Разроевы» — потомственные фамилии, жившие не одним поколением в каморках по соседству, не хотели рвать со своим прошлым. Фабкомы шли навстречу просящим и селили их рядом. И в итоге... да, получили образ и подобие казармы, только в благоустроенном доме. Хлопот милиции не убавилось. В дворах новеньких пятиэтажек кучковались, клубились мрачные пацаны в низко надвинутых кепках. Сновали подозрительные личности постарше. Раздавался заполошный бабий крик после выдачи заработной платы на фабрике — «дачки», как её называли на фабрике. Истошно выли сирены милицейских машин, теперь уже мчавшихся не к казармам, которые заметно поутихли, а к новым, казалось бы, к благоустроенным и благополучным пятиэтажкам.

Историки изучают феномен текстильного края: рождение первых Советов. Конечно, опыт революционной работы М.В. Фрунзе со счетов не сбросишь. Но ему было гораздо легче работать

с рабочей массой, которая сосредоточена в одном месте. Только в шестидесятых годах, когда по стране пошло массовое строительство так называемых «хрущёвок», казарму стали расселять. Если учитывать, что жили по одной каморке на одну семью, то расселение казарм растянулось не на одно десятилетие. Да так и не закончилось.

Мир, безусловно, менялся. На месте освободившихся каморок фабрики оборудовали молодёжные общежития. На первых этажах разместили текстильное ГПТУ, сформированное на базе старой доброй школы ФЗО. Милиция пересажала лидеров казарменной шпаны. Кто-то из молодёжных «авторитетов» успел уйти в армию, а вернувшиеся — остепенились. Жизнь шла своим чередом. Незыблемым и, казалось, вечными были только здания казарм. Они были построены как под копирку всеми фабрикантами текстильного края. Да что там ивановский край. Подмосковье было застроено подобными монстрами, оплотом текстильного пролетариата, без которого, я уверен, была бы невозможной Октябрьская революция

Наступила эпоха «дикого капитализма», и рабочие текстильных фабрик, которые забыли, что они пролетариат, остались без рабочих мест и в тех же опустыленных казармах. Вот она диалектика. Диалектика равнодушия ко всему происходящему и, в первую очередь, — к себе. Я встречал своих ровесников и людей постарше, которые так и не успели выехать из казармы. Участь их ясна: мизерная пенсия, та же каморка, в которой жили его отцы, деды, да и прадеды.

Напротив казарм прядильно-ткацкой фабрики № 2 до сих пор стоит красно-коричневый дом в три этажа. Его построил фабрикант П.Ф. Севрюгов для своих инженерно-технических работников. Там, в угловой квартире на первом этаже, до недавнего времени жили мои родственники, начиная от моего деда и заканчивая великовозрастным оболтусом — моим племянником, который продал квартиру за бесценок, сразу же после ухода в мир иной моей сестры и брата, тоже работавших на фабрике. Так бесславно закончилась моя текстильная династия.

С позиции возраста я часто задумываюсь о том, что же произошло с рабочим классом, который почти с радостью разрешил реформаторам сменить формацию. Может, предпосылки зрели, только были не видны. В мои школьные годы учителя пугали нерадивых учеников словами: «Не хочешь учиться, пойдешь

в “институт с красной трубой”». Так звали нашу фабрику № 2. Когда меня, не прошедшего конкурс в энергетический институт брали в текстильный, то батюшка имел со мной серьёзный разговор, о том, что стоит ли связывать себя с текстильной промышленностью. Это говорил завуч школы ФЗО, которая готовила кадры для текстильной промышленности. Возникли недоборы в текстильный техникум. Школа ФЗО пополнялась, в основном, девочками из нижнего Поволжья, а то и с Украины и Белоруссии. Авторитет текстильного рабочего класса падал.

Прошла голодная зима 1964 года, когда, благодаря хрущёвским экспериментам, опустели витрины магазинов, и мы, дети, часами стояли за хлебом. Новое правительство А.Н. Косыгина взяло курс на экономические реформы. Я помню, как отец, съездив в область на семинар, заявил, что будут подвижки в нашем королевстве. В качестве аргумента он показал матери серую невзрачную книжечку, на которой было написано: Постановление от 30 сентября 1965 «Об улучшении управления промышленностью». Матушка, не отрываясь от плиты, на которой готовился нехитрый ужин, сделала умное лицо и сказала: «поживём — увидим». Если использовать сухой информативный язык, то сущность реформ сводилась к комплексу мер, направленных на усиление экономических рычагов, на увеличение самостоятельности предприятий. Из всего материала реформы текстильщиков привлекало совсем немного: «широкое использование приёмов материального стимулирования». Действительно, выросла заработная плата. Но к 1968 году экономическая реформа Косыгина забуксовала, а вскоре и вовсе сошла на нет. «В 1970–1971 годах началось обсуждение новой экономической реформы. Но в 1973 году произошёл скачок цен на нефть на мировом рынке, и все экономические реформы были отложены». Такой изыск я нашел в источниках информации. Как всё пошло дальше, мы знаем.

Ивановские ткачи, родина первых советов, пролетариат — неотъемлемые символы Иваново-Вознесенского края, который дал пример всей России, что бороться с капитализмом можно и нужно. К этим трём символам я бы добавил ещё один — это фабричные казармы. Мне, кажется, что именно они были предвестником революций, что ни в купеческом Ярославле, ни в дворянской Костроме не могло случиться событий, подобных ивановской стачке 1905 года. Почва другая, менталитет иной.

Парадоксально, что потомки иваново-вознесенских ткачей пережили краткий, с исторической позиции, период советской власти, стали свидетелями победоносного шествия буржуа и встретили капитализм, но не с булыжником в руках.

Где вы, легендарные ивановские ткачи с известного живописного полотна ивановских художников «На Талке», написанного в советские времена с целью опоэтизировать события пролетарской революции. В центре, на фоне грозового неба, крупным планом показана группа суровых рабочих под кроваво-красным стягом. Слева — покосившаяся церковь, справа — красно — кирпичный фабричный корпус. Где ты, товарищ Арсений, объединивший ивановский пролетариат и создавший первые Советы?

Всё в прошлом, как в прошлом пролетариат текстильного края и его преемник, советский рабочий класс, который так бездарно сдал свои позиции народившейся буржуазии. Рабочие династии канули в небытие.

Прощание с городом было невесёлым. Старый железнодорожный вокзал провожал меня невесёлой улыбкой аляповато выкрашенного фасада. Выстроенный ещё в дореволюционные времена в стиле промышленного барокко, раньше он смотрелся строго. А сейчас, обвешанный рекламными баннерами, напоминал ярмарочного «Афоню», рекламировавшего свой нехитрый товар. Построенная кинешемскими предпринимателями железная дорога связала Ивановский край с центром страны. Станция «Кинешма» была последней на этой ветке. Дальше транспортной артерией служила Волга.

Что-то невнятно прокричал диспетчер. Где-то стукнуло, вагон дернулся, качнулся и...поехал. Мимо проплыл перрон с немногочисленными провожающими. Сколько раз я провожал с этого вокзала своих родных, а ещё больше провожали меня. Всё в прошлом.

Поезд аккуратно двигался мимо железнодорожного депо, каких-то складских помещений, темных, угрюмых. Их сменили бетонные развалины, поросшие кустарником. Валялись разбитые бетонные плиты, мотки проволоки, куски арматуры. Что с тобой, ивановский край, край берёз и ситца. Куда ушла твоя текстильная слава? Поезд, словно вырываясь, из аномальной зоны, усиленно набирал ход. — Нет ответа, нет ответа... — выстукивали вагонные колеса.